

ются однокоренными (в первой корень *пен-*, во второй – *пе-*), тем не менее идентичность звукового комплекса *пен* в обеих лексемах не может не влиять на смысл. Аттрактор разворачивается из фрактала зрительного образа «пена» во фракталь звучания – «пение», в результате чего в сложном прилагательном *песнопенный* второй корень несет и зрительный и звуковой образ, а все прилагательное в целом предстает как диссипативная структура со сложным взаимоналожением значений корней. Таким образом, созданное по системной модели окказиональное прилагательное *песнопенный* передает цельнооформленные новые кванты художественного смысла.

Особую форму и смысл имеет прилагательное *покровенный*, которое не наблюдается в узуальном употреблении. По мнению С.И. Ожегова, «покров – верхний наружный слой, покрывающий что-нибудь. От существительного *покров* узуально образуется прилагательное *покровный*, значение которого не выходит за пределы фрактала «покрытие чего-либо». Окказиональное прилагательное *покровенный* образовано по модели прилагательного *сокровенный* и фактически его дублирует, различаясь только первым звуком. Именно такая форма окказионального прилагательного изменяет аттрактор всего высказывания, «переводя» его во фракталь «свято хранимый и тайный». В лексеме *покровенный* сохраняется значение покрыва, но при этом возникают смыслы таинства, возвышенности, сокровенности такой песнопенной славы певца.

Таким образом, синергетический текст – это текст, содержащий непосредственно не наблюдаемые смыслы; такой текст требует особого синергетического анализа.

«ТУРГЕНЕВА С ЛЮБОВЬЮ ВСПОМИНАЮ» (Л.Н. ТОЛСТОЙ И И.С. ТУРГЕНЕВ)

А.А. Нестеренко

Между этими двумя крупнейшими творческими личностями параллели в их биографиях начинаются с самого раннего детства.

Учебные занятия маленького Лёвочки проходили под руководством немца-гувернёра и тётушки Александры Ильиничны. Своего гувернёра Фридриха Ресселя, которого Толстые звали Фёдором Ивановичем, Лев Николаевич обессмертил в повестях «Детство» и «Отрочество» под именем Карла Ивановича Мауэра.

Детство Толстого протекало совсем в иных условиях, чем, например, детство Тургенева, который рассказывал про своё детство: «Драли меня за всякие пустяки чуть не каждый день». Ничего подобного не было в детстве Толстого.

Также и отношение к крепостным крестьянам в помещичьих домах Тургеневых и Толстых было разным. В Ясной Поляне в годы детства Толстого оно было, очевидно, сравнительно гуманным. Толстому не приходило видеть около себя тех ужасов крепостничества, какие видели в домах своих отцов Герцен, Некрасов, Тургенев, Салтыков-Щедрин, и потому Толстой, противник крепостного права, *по личным впечатлениям* не мог написать ничего, подобного ни хватающим за душу первым главам «Былого и дум» Герцена, ни скорбному стихотворению Некрасова «Родина», ни трогательному рассказу Тургенева «Муму», ни потрясающей «Пошехонской старине» Салтыкова-Щедрина.

Это социальное различие семейных укладов Толстого и Тургенева не помешало быть сходным литературным пристрастиям в их юные годы (Тургенев на 10 лет старше Толстого). Примером может служить восторженное отношение будущих реалистов русской литературы к творчеству пламенного романтика Марлинского. В списке произведений, произведших на него впечатление в возрасте от 14 до 20 лет, Толстой первоначально пометил повести Марлинского «Мулла-Нур» и «Фрегат Надежда». Знал он хорошо также и повесть Марлинского «Аммалат бек».

Из составленного Толстым списка видно, что в 1847 году он был усердным читателем «Современника». Именно в этом прогрессивном журнале за этот год появились и «Поленька Сакс» Дружинина, и «Антон Горемыка» Григоровича, и первые шесть рассказов из «Записок охотника» Тургенева. Повесть Григоровича и рассказы Тургенева имели огромное значение для выработки мирозерцания молодого Толстого.

Именем Тургенева («старшего собрата» Толстого по литературе) поверяется его «вес», оригинальность в русской литературе. Это проявилось в оценках критики уже первого произведения Толстого – повести «Детство» – вполне самобытного, авторского. Н.Г. Чернышевский в своих «Очерках гоголевского периода русской литературы» относил Толстого, вместе с Гончаровым, Григоровичем, Тургеневым и Островским, к числу тех писателей, произведения которых «не навоят на мысль о заимствовании, не напоминают что-либо чужое».

В хоре похвал Толстому за его первую повесть голос Тургенева выделяется многократно.

Толстой, со своей стороны, ревностно следил за творчеством Тургенева. Но более чем художественная сторона произведений Тургенева, Толстого волновало идейная направленность его творчества, прежде всего в «Записках охотника», где представлены были «живые души» крестьян.

Взаимные симпатии их крепились год от года. Предвидя будущую славу Толстого, Тургенев в октябре 1854 года писал П.В. Анненкову: «Я на днях познакомился с сестрой Толстого (автора «Отрочества», – скоро не нужно будет прибавлять этого эпитета – только одного Толстого и будет знать в России)».

Эти симпатии Толстого к Тургеневу нашли своё воплощение и в следующем факте. 1 июня 1855 года Толстой взялся за работу над окончанием «Записок юнкера» и закончил их через 17 дней. В тот же день рассказ был отправлен в редакцию «Современника». Он появился в 9 номере за 1855 год. В конце рассказа стояла обычная в то время подпись Толстого – Л.Н.Т. Рассказ назывался «Рубка леса. Рассказ юнкера», с посвящением И.С. Тургеневу.

Однако отношения между писателями в течение 1858-1859 годов резко изменились к худшему.

Но это – сфера личностных, даже интимных отношений. Литературные же пути этих двух талантов обречены были на пересечаемость. Так произошло с новой повестью (романом, может быть) «Семейное счастье» (1859), которую большинство критиков встретило благожелательно.

Во время второго заграничного путешествия (1860-1861 годы) Толстой посетил в Париже Тургенева. В дневнике в апреле 1861 года он записал, что произошло его «сближенье с Тургеневым. Тургенев, спустя две недели, писал Анненкову: «На днях приехал сюда из Италии Толстой, – не без чудачества, но умиротворенный и смягченный. Смерть его брата (Николая Николаевича) сильно на него подействовало. Он мне читал кое-какие отрывки из своих новых литературных трудов, по которым можно заключить, что талант его далеко не выдохся и что у него есть ещё большая будущность».

Следует отметить, что расхождения между Толстым и Тургеневым отходили на задний план и в вопросах индивидуального литературного творчества, и когда дело казалось крупных литературных личностей. В частности, Тургенев много сделал, чтобы во время второго заграничного путешествия познакомить Толстого с Герценом (в марте 1861 года).

В конце 1850-х – начале 1860-х годов Толстой увлечённо занимается педагогической деятельностью.

Статья Толстого «Об общественной деятельности на поприще народного образования» посвящена критике возникшего в 1861 году Петербургского Комитета грамотности. В состав Комитета вошли наиболее известные в то время педагоги-теоретики и практики. В 1862 году в число Комитета были выбраны также Толстой и Тургенев...

В начале августа 1878 года Тургенев известил Толстого, что скоро приедет в Тулу по делам и желал бы повидаться с ним. Он прибыл в Ясную Поляну 8 августа и провёл там 2 дня. Лев Николаевич держал себя с Тургеневым слегка почтительно и очень любезно.

В мае 1881 года Тургенев говорил о Толстом литератору С.Н. Кривенко: «Такого художника, такого первоклассного таланта у нас никогда ещё не было и нет».

В августе 1881 года в Ясную Поляну вновь приехал Тургенев.

Тургенев много рассказывал о современных французских писателях: Флобере, Золя, Додэ, бр. Гонкурах, Мопассане и др. Когда разговор зашёл о Шекспире, Тургенев, как он делал это много раз прежде, старался внушить Толстому всё величие Шекспира, указывая «на истинно драматические положения, в которые Шекспир ставит своих героев».

Это была последняя встреча Толстого с Тургеневым...

В начале мая 1882 года Толстой писал Тургеневу в Париж, обеспокоенный известиями о его болезни. «Я почувствовал, – писал Толстой, – как я вас люблю... Обнимаю вас старый, милый и очень дорогой мне человек и друг. Ваш Толстой»

Письмо это глубоко тронуло Тургенева, оно всколыхнуло в нём незабытые воспоминания о его хотя и не ровной, но крепкой в своей основе дружбе с Толстым.

Творческие и личные отношения Толстого и Тургенева, двух величайших художников слова, представляют собой одно из редких явлений в истории не только русской, но и мировой литературы. В их взаимоотношениях ощущается тесная преемственная связь в развитии национальной литературы, для возвышения славы которой они так много сделали. Совершенно оригинальные по методу и стилю и во многом по своему мировоззрению, они сходились в главном – в понимании роли литературы как «дела жизни» (Толстой), как «сосредоточенного отражения» её (Тургенев). Своим пониманием литературы они способствовали духовному обогащению и пробуждению общественного сознания у народа.

Это общее у Тургенева и Толстого отнюдь не делает их безликими. Напротив, в сравнительном сопоставлении каждый из них ещё рельефнее выделяется своим видением мира и его отражением: каждый из них имел свой творческий голос, своё открытие мира прекрасного.